Ноября 3 (16)

Священномученики

Павел Андреев и Александр Зверев

Осенью 1937 года в связи с решением советского правительства о фактическом уничтожении Русской Православной Церкви в России были арестованы десятки тысяч священнослужителей и православных мирян. В конце сентября и начале октября 1937 года были арестованы благочинный Волоколамского, Шаховского и Лотошинского районов Московской области протоиерей Павел Андреев, священник храма Рождества Богородицы в селе Возмище протоиерей Александр Зверев, священник Димитрий Розанов, а также жившие в этом селе монахини, состоявшие певчими в церковном хоре. Все арестованные были заключены в тюрьму города Волоколамска. Ни один из них не признал себя виновным, и следователи приступили к доказательству выдуманных против священников и монахинь обвинений, прибегнув к помощи лжесвидетелей.

К уполномоченному НКВД Беринову был вызван секретарь возмищенского сельсовета Захаров, которому было предложено собственноручно написать показания о священнике Димитрии Розанове и монахинях. Тот отказался, ссылаясь на малограмотность, и предложил, чтобы сотрудник НКВД сам написал показания в протоколе. Тот согласился, но предложил рассказать, что знает секретарь сельсовета о священнике. И он рассказал, что на Пасху в 1937 году он шел из кинотеатра домой. Было около двух часов ночи. По пути домой он зашел в храм, так как путь шел мимо него. Войдя в храм, он увидел, что пасхальное богослужение подходит к концу. В конце службы священник обратился к собравшимся с просьбой оказать ему материальную помощь, так как приходится платить большие налоги, а платить нечем. Послушав некоторое время священника, он ушел домой. Как зовут этого священника, он не знает. Выслушав секретаря сельсовета, уполномоченный достал бумагу и зачитал по ней, что священник Димитрий Розанов занимается антисоветской пропагандой.

– Ничего подобного я от него не слышал, – возразил секретарь сельсовета.

– Это показали другие свидетели, и вы должны подтвердить, – пояснил Беринов, но имен свидетелей не назвал.

– Ну что ж, если это так нужно, то пишите, – сказал секретарь.

Беринов записал лжесвидетельство в виде допроса, и секретарь подписал его.

Был вызван один из жителей села Возмище Алексей Кулаков, который на вопрос, знает ли он священника Димитрия Розанова и монахинь, сказал, что монахини живут в селе и иногда к ним ходят священники, и в частности Димитрий Розанов. Из их дома часто слышалось церковное пение, но сам лично он в их доме не бывал, а потому и не может сказать, о чем они разговаривали между собою. Тут подошло время свидетелю идти на дежурство в пожарное депо, и следователь Елдаков, который все время что-то писал, сказал: «Ну ничего, завтра протокол подпишешь».

Назавтра его допрашивал уже другой следователь, который составил новый протокол, и свидетель подписал его. Но на следующий день следователь Елдаков пришел к свидетелю на работу и сказал, что придется переписать протокол,

потому что он составлен неправильно. На этот раз его допрашивал заместитель начальника районного НКВД Беринов, который тоже задавал вопросы и что-то писал. Закончив писать, Беринов сказал: «Знаете, если вас вызовут в суд, то вы скажите, что они монашки, молятся Богу, ведут агитацию». И с этими словами попросил свидетеля подписать протокол. Тот подписал, не читая написанного, – что монахини и священники занимаются антисоветской деятельностью.

Вместе с секретарем был вызван и председатель сельсовета села Возмище Савельев. Сотрудники НКВД Елдаков и Гундаев сами при них написали справки от лица сельсовета о священниках Павле Андрееве, Александре Звереве, Димитрии Розанове и монахинях, в которых, в частности, говорилось, что все они проводят антисоветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и правительства.

Выслушав содержание справок, председатель и секретарь сельсовета засомневались, стоит ли подписывать небылицы, но сотрудники НКВД стали их уверять, что им за лжесвидетельство ничего не будет. Переглянувшись между собой, они подписали, решив, что если органы НКВД предлагают так сделать, то, значит, так и надо сделать. Печать сельсовета была с собой, и справки были ею заверены.

Затем сотрудник НКВД спросил председателя сельсовета, что он может показать о священниках, и тот сказал: «Указанные лица иногда приходили в сельсовет по своим личным делам: за справками относительно прописки и так далее. В течение этого времени мне с ними приходилось встречаться в сельсовете. Больше мне с ними встречаться и разговаривать никогда не приходилось. Конкретных фактов антисоветской агитации за перечисленными лицами, являвшимися служителями религиозного культа, я не знаю. Ни лично мне, ни от кого-либо другого не приходилось слышать об их антисоветской агитации. Однако я считаю, что существование в селе Возмище церкви, проводившиеся в ней службы и проживание этих лиц в селе Возмище отрицательно влияло на колхозы. Иногда во время богослужения в церкви колхозники не выходили на работу, а шли в церковь. Остальные колхозники говорили, показывая на служителей культа, что они не работают, а живут лучше нас. Да! Еще могу добавить, что, по разговорам колхозников, эта группа лиц собиралась вместе, но о чем они говорили собравшись, мне неизвестно».

Затем был вызван свидетель, который в то время, когда священники Павел Андреев и Димитрий Розанов находились в тюрьме, был вместе с ними в одной камере. Когда Беринов вызвал его для допроса, он был уже на свободе и на вопрос, что он может сказать о священниках, ответил:

– Находясь под стражей, мне приходилось слышать, что священник Андреев заключенным говорил нечто в виде проповеди о том, что советская власть убивает личность человека, свободу совести, что в тюрьму загнали невинный народ. Допускал он и иные антисоветские выражения. Розанов во время разговора поддерживал Андреева. В тюрьме Андреев говорил, что его посадили, но он воспринимает это как наказание Господне, будьте долготерпеливы, это все искупится, при этом он приводил цитаты из Евангелия. Андреев говорил, что советская власть проповедует учение Дарвина, что человек произошел от обезьяны, а это кощунство и ложь.

– Что вам известно о контрреволюционной агитации Розанова?

– Розанов все время поддерживал и дополнял Андреева.

Впоследствии, уже три года спустя, другой следователь, желая выяснить, что же все-таки говорили священники, спросил того же свидетеля:

– Андреев говорил, что мы, попы, принадлежим к пятой колонне, которая должна выступить изнутри на помощь Германии, а поэтому нас и изолируют?

– Нет, он говорил не так. Андреев говорил, что в СССР существует пятая колонна, к которой *причисляют* их и считают, что эта колонна должна выступить во время войны Германии против Советского Союза, а потому их и забрали.

Был вызван осведомитель, сотрудничавший с НКВД под кличкой Стрелок, которому следователь предложил подписать лжесвидетельство о протоиерее Александре Звереве, что тот и сделал. Часть документов, обвиняющих монахинь в антисоветской деятельности, следователь оформил как донесения осведомителя – и те, что действительно были, и те, что он написал сам. Допросы священников и монахинь вели сотрудники НКВД Беринов, Елдаков и Гундаев.

Священномученик Павел родился в 1880 году в деревне Аннино Рагозецкой волости Тимского уезда Курской губернии в семье крестьянина Аркадия Васильевича Андреева. В 1892 году Павел поступил в Курскую Духовную семинарию, а по окончании ее – в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1902 году.

14 июля 1902 года епископ Екатеринославский и Таганрогский Симеон (Покровский) рукоположил Павла Аркадьевича в сан священника. Служа приходским священником, отец Павел с 1902 по 1912 год был законоучителем начальной и двухклассной школ Голубовского рудника Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, с 1909 по 1912 год – заведующим и законоучителем церковноприходской школы Голубовско-Марьевского рудника того же уезда. С 1912 по 1919 год отец Павел был законоучителем Бахмутовского реального училища и настоятелем училищной церкви. «Священнослужения, – как гласит его послужной список, – не оставлял, но после ликвидации законоучительства был четыре месяца без места до определения на приходскую службу, причем одежды, присвоенной ему, не снимал».

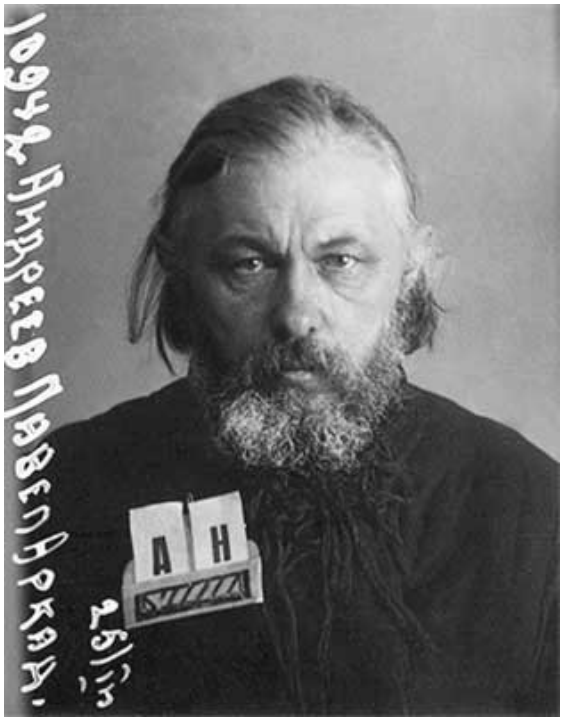
В 1920 году он был назначен настоятелем церкви Андрея Первозванного села Андреевка Мариупольского уезда Мариупольской губернии, в 1921 году – настоятелем Николаевской церкви села Николаевка того же уезда. С 1922 по 1929 год отец Павел был настоятелем Николаевской церкви Мариупольского порта.

В 1923 году он был награжден наперсным крестом и возведен в сан протоиерея. В 1924 году протоиерей Павел был назначен благочинным всех церквей города Мариуполя, в том же году он был награжден Патриархом Тихоном крестом с украшениями. С 1925 по 1928 год протоиерей Павел исполнял должность уполномоченного по управлению Мариупольским викариатством. В 1925 году «за усердные и полезные труды по должности уполномоченного по викариатству» епископом Мариупольским Антонием (Панкеевым) был награжден посохом.

В 1927 году ОГПУ арестовало священника по обвинению в антисоветской агитации, но не сумело доказать обвинения, и после двух месяцев заключения он был освобожден.

В феврале 1929 года протоиерей Павел был назначен настоятелем церкви Воскресения Словущего, что на Остоженке в Москве. 25 июля 1929 года он был назначен ключарем московского Богоявленского кафедрального собора, что в Дорогомилове, и награжден митрой.

21 марта 1932 года ОГПУ арестовало священника по обвинению в антисоветской деятельности и заключило в Бутырскую тюрьму. 28 марта состоялся допрос. На вопросы следователя протоиерей Павел ответил: «Мои проповеди и разговоры с духовенством никакой политической окраски по отношению к существующему строю не имели. Летом 1930 года к нам в церковь приезжали иностранцы. Я с ними никаких разговоров не вел и даже не видел их».



Протоиерей Павел Андреев.
Москва. Бутырская тюрьма. 1932 год

31 марта следователем ОГПУ был допрошен в качестве свидетеля протодиакон собора Алексей Семенович Тихонов, который показал: «Служу протодиаконом при церкви Богоявления в Дорогомилове. По своему убеждению я не религиозный человек и свой сан протодиакона считаю как профессией, попал в религиозный культ – протодиакона по своей неопытности. Моя цель была поступить артистом, для этого я и пошел в церковь в качестве протодиакона, чтобы накопить средства, то есть поддержать свое материальное положение. Я понимаю, что то, что я состою в числе служителей религиозного культа, наносит вред советской власти, а потому при лучшем материальном положении и подыскании места на гражданской службе не замедлю снять с себя сан протодиакона и выйти из служителей религиозного культа, делая это, конечно, сознательно. Служа при церкви Богоявления с 1929 года, мне приходилось видеть в прошлом году, как к нам в церковь приезжали иностранцы, и один раз секретарь греческой миссии обратился ко мне в алтаре с просьбой повидать регента церковного хора. Я его направил, и он имел с ним разговор, который мне неизвестен.

Кроме того, мне известно: ключарь этой церкви Павел Андреев при подписании интервью митрополита Сергия “О гонении на религию в СССР” устроил совещание с членами приходского совета в церковной сторожке, где протестовал против этого интервью и призывал не подчиняться членов церковного совета, говоря, что Синод работает рука об руку с советской властью.

Практических мер или решения никаких вынесено не было, но среди прихожан было глубокое возмущение по поводу этого интервью. Это видно из того, что когда за церковной службой выступил епископ Иоасаф о декларации митрополита Сергия, то среди этих прихожан раздавались злобные выкрики, то есть против интервью. Все эти действия проявились, несомненно, после совещания, созванного Павлом Андреевым».

После этих показаний свидетеля следователь 3 мая снова допросил священника, задав ему вопросы в соответствии с тем, что было сказано протодиаконом. Отец Павел ответил: «Мне лично с духовенством и церковниками приходилось говорить об интервью митрополита Сергия, но против такового никогда и нигде не выступал. Также мои разговоры с кем бы то ни было не касались политических вопросов. Разговор по поводу интервью в церковной сторожке как таковой мог происходить, но фактически не помню, был ли или нет, ввиду того, что прошло много времени».

4 мая следствие было закончено, и сотрудник ОГПУ в обвинительном заключении написал: «Не останавливаясь на распространении контрреволюционных провокационных слухов, поп Андреев за церковными службами произносил проповеди антисоветского характера, в которых призывал верующих сплачиваться вокруг церкви против “гонителей на религию и духовенство”. Кроме того, Андреев в антисоветских целях использовал выпущенное митрополитом Сергием интервью об отсутствии “гонения на религию в СССР”, среди церковников агитировал против этого интервью, собрав по этому поводу в церковной сторожке упомянутой церкви церковный актив, и выступил с резкой антисоветской критикой этого документа, утверждая “о гонении религии в СССР”».

10 мая 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Павла к трем годам ссылки в Казахстан, и он был отправлен в Алма-Ату.

Вернувшись из ссылки в 1935 году, протоиерей Павел был назначен настоятелем Вознесенской церкви в Теряевой Слободе Волоколамского района. В 1937 году протоиерей Павел был назначен настоятелем храма Рождества Богородицы в селе Возмище Волоколамского района и благочинным православных приходов Волоколамского, Шаховского и Лотошинского районов.

7 октября 1937 года он был арестован и заключен в тюрьму в городе Волоколамске. Через день священник был допрошен.

– Следствием установлено, что вы со священником Зверевым допускали контрреволюционные антисоветские высказывания по поводу конституции СССР. Следствие предлагает дать показания по этому поводу.

– Никогда контрреволюционных разговоров по поводу конституции СССР я не вел. Если относительно конституции у нас со Зверевым и были разговоры, то они не являлись контрреволюционными.

– Следствие располагает данными, что вы во время совершения церковной службы говорили проповеди контрреволюционного содержания с целью агитации против существующего в СССР строя.

– Проповедей контрреволюционного содержания при совершении богослужений я после возвращения из ссылки не говорил.

– Вы показываете неправильно. Допрошенные по делу свидетели уличают вас в вашей контрреволюционной и антисоветской агитации среди верующих и произнесении контрреволюционных и антисоветских проповедей.

– Еще раз заявляю, что контрреволюционных высказываний с кафедры в церкви не было, были отдельные выступления с кафедры в церкви на чисто бытовые темы. Так, в апреле 1937 года в виду предстоящего ремонта в церкви я призывал верующих оказать материальную помощь с помощью тарелочного сбора среди верующих в церкви. Все остальные мои выступления носили характер объяснения смысла праздника.

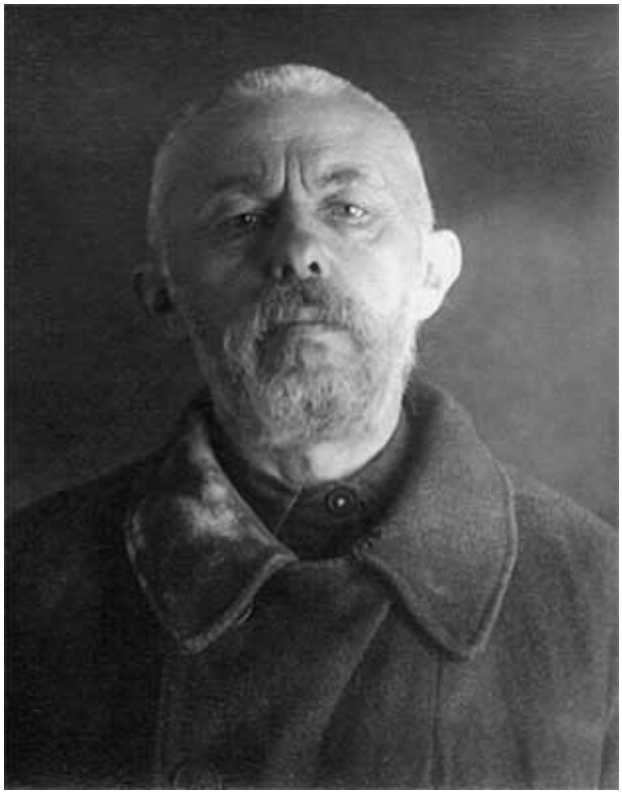
– Следствие располагает данными, что вы для сопровождения служб привлекали монашествующий состав за плату. Следствие предлагает вам показать, кто из монашествующих участвовал в церковной службе.

– Монашествующие привлечены в приход возмищенской церкви не мной, они пели до моего поступления в приход. Регулярной платы им не выплачивалось, за исключением некоторых больших праздников в виде так называемых праздничных. В церковных службах участвовали монахини Евдокия, Раиса, Татьяна, Екатерина, Ксения, Надежда, кроме них – в пожилых летах Рафаила, Валентина и Татьяна.

– Назовите фамилии монашек.

– Фамилии монахинь я не знаю, так как при обращении приходилось называть только по имени. Все они живут в селе Возмище.

– Следствие располагает данными, что вы организовывали сборища церковников и монашек, на которых вели контрреволюционную антисоветскую деятельность с целью контрреволюционной антисоветской агитации среди населения.



Протоиерей Павел Андреев.
Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

– Это я отрицаю. Контрреволюционных сборищ я не организовывал и установок монахиням проводить контрреволюционную антисоветскую агитацию среди населения не давал.

– Следствие располагает данными, что вами давалась установка священнослужителям проводить службу 1 мая 1937 года с наибольшим опозданием с целью срыва демонстрации.

– Перед празднованием 1 мая я передал волоколамским священнослужителям пожелание архиерея, чтобы они закончили службы до демонстрации, но не помню, говорил ли им, что это пожелание относится и к сельским приходам. Что же касается окончания службы в церкви в селе Возмище, где служили я и Зверев, то окончена она была до демонстрации.

– Дайте показания, кто из священнослужителей Волоколамского района посещал вашу квартиру и в какое время.

– Меня посещали многие священнослужители, но все их посещения связаны со служебными вопросами по церковным делам.

– Вы уличаетесь свидетельскими показаниями в контрреволюционной антисоветской деятельности. Следствие еще раз предлагает вам дать показания.

– Контрреволюционной антисоветской деятельности я не вел.

Священномученик Александр родился 8 августа 1881 года в селе Фаустово Михалевской волости Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Александра Григорьевича Зверева. В 1909 году он окончил Московскую Духовную академию и получил назначение на должность преподавателя истории русской литературы в Вифанскую Духовную семинарию. Женился на девице Марии, которая была дочерью протоиерея Алексея Лебедева, настоятеля храма Николая чудотворца в Звонарях на Рождественке. Впоследствии у них родилось трое детей. В феврале 1913 года Александр Александрович был рукоположен в сан священника. В это время он состоял преподавателем истории русской литературы и практического руководства для пастырей в Вифанской Духовной семинарии.

Летом 1918 года отец Александр переехал в Москву в дом умершего к тому времени тестя, протоиерея Алексея Лебедева, и стал служить в храме святителя Николая чудотворца на Рождественке. В сентябре 1918 года он был назначен помощником начальника Вифанских пастырско-богословских курсов Московской епархии, а в феврале 1919 года – настоятелем Никольской, что в Звонарях, церкви на Рождественке. В 1921 году отец Александр был назначен преподавателем Московских пастырско-богословских курсов по кафедре пастырского богословия. В том же году он был возведен в сан протоиерея.

В 1922 году протоиерей Александр был назначен помощником начальника Московских пастырско-богословских курсов.

28 февраля 1922 года Патриарх Тихон обратился с посланием по поводу помощи голодающим и изъятия церковных ценностей, где, в частности, писал: «Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство...»

Это послание было прочитано протоиереем Александром с амвона. В начале марта в Москве были устроены благочинические собрания, на них

постановили открыть столовые для голодающих, которые должны были содержаться на средства нескольких приходов. Столовая, которую обеспечивал приход храма святителя Николая в Звонарях, находилась на Большой Спасской улице. За приходом был закреплен воскресный день. Столовая была открыта 19 марта и действовала в течение нескольких месяцев. В свой день приход кормил в столовой сначала около ста человек, а затем их число дошло до двухсот.

С апреля 1922 года ОГПУ стало производить аресты и готовить судебные процессы по обвинению духовенства в сопротивлении изъятию церковных ценностей. По одному из процессов был привлечен к ответственности протоиерей Александр, его обвинили в чтении в храме послания Патриарха Тихона. 11 июля 1922 года сотрудники ОГПУ произвели в его доме обыск. 2 сентября ОГПУ вызвало отца Александра на допрос.

Выслушав вопросы следователя, отец Александр написал ответы на них собственноручно: «...К посланию Патриарха отношусь отрицательно, нахожу, что правила приведены не к делу.

Привлекаюсь к суду за агитацию Патриаршего воззвания, которая с моей стороны и состояла в том, что я единственный раз с амвона в конце службы, к моему сожалению, прочитал его...

Идеологию «Живой церкви» признаю; проведение же в жизнь некоторых ее постановлений из боязни вызвать раскол находил бы лучшим проводить постепенно...»

После допроса он был освобожден.

Священник Александр Григорьевич Зверев с сыном Александром

В декабре 1922 года отец Александр предстал вместе с другими священнослужителями и мирянами перед революционным трибуналом по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Протоиерей

Александр виновным себя не признал. Революционный трибунал приговорил его к двум годам заключения в исправительно-трудовом лагере. После семи месяцев нахождения в заключении отец Александр был освобожден по амнистии и вернулся служить в Никольскую церковь на Рождественке. В 1929 году протоиерей Александр был награжден митрой.

Духовная дочь отца Александра вспоминала о нем. Отец Александр служил благоговейно, просто и смиренно, его служение поражало ощущением его живого предстояния Богу, Которому он со всей полнотой любви приносил прошения о всех предстоящих и молящихся в храме. Все люди, стоявшие в храме, были ему необычайно дороги, буквально каждый.

Иногда после вечерней службы отец Александр говорил несколько слов о силе молитвы, о том, что самое большое и действенное – это молитва, и об этом никогда нельзя забывать. И самое главное – это Иисусова молитва. Своей пастве он дал правило: утром и вечером читать сорок раз молитву Иисусову, затем двадцать раз «Пресвятая Богородице, спаси нас» и десять раз «Все святые, молите Бога о нас». Он говорил, что все работают, всем трудно, но это то, что каждый может сделать. «И я прошу вас, если вы помните меня и любите меня, исполните мою просьбу и примите это правило мое на всю свою жизнь».

Александр Александрович Зверев. 1907 год

Были грехи, которые отец Александр особенно умолял не совершать. Он говорил: «Надо покаяться. Надо оставить прежде всего прелюбодеяние, ибо Царствие Божие блудники и прелюбодеи не наследуют. Умоляю вас. Я ваш свидетель перед Богом. Призовет меня Господь, и я должен сказать Ему: “Се аз и чада мои, коих Ты даровал мне”. Что я скажу за вас там, если вы хотя бы не пожелаете это оставить? Господь намерения приемлет и желания целует. Милосердию Его нет предела... просите и получите... И Господь поможет, и вы будете всегда с Ним».

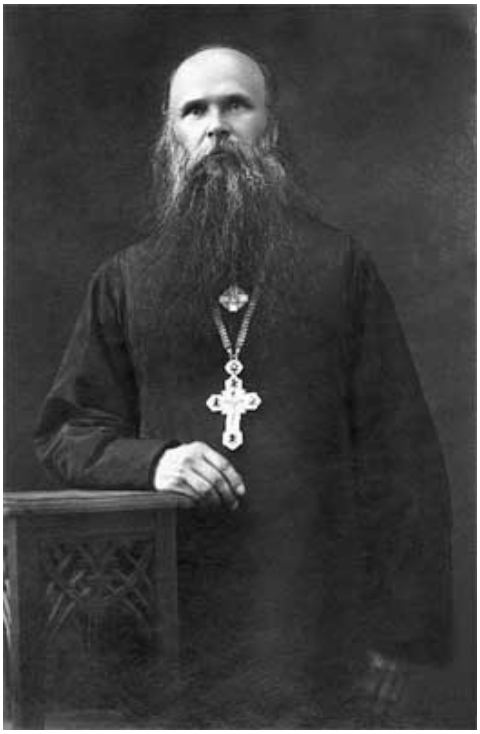
Александр Александрович Зверев с супругой Марией Алексеевной

По-видимому, еще во время его заключения в конце 1922–начале 1923 года власти стали усиленно склонять его к негласному сотрудничеству с ОГПУ. Толкало их к этому то, что отец Александр, казалось, слишком легко готов был критиковать Патриарха и соглашаться с предложениями живоцерковников. В этом сотрудники ОГПУ увидели возможность добиться успеха, если давить на человека, который готов покривить душой ради освобождения. В конце концов отец Александр дал обязательство быть секретным сотрудником ОГПУ. Эти обязательства оказались для него чрезвычайно тяжелы, так как, вызываемый к сотруднику ОГПУ, которому он должен был говорить о состоянии умонастроения в приходе и своих прихожан, он в силу нравственных причин не желал говорить то, зачем мог последовать их арест, и в то же время он не мог отказать сотруднику ОГПУ говорить о своих знакомых, потому что это, как он считал, могло привести к немедленному аресту его самого. И потому он рассказывал о прихожанах, стараясь не компрометировать их в политическом отношении. Но среди того же круга людей были и другие секретные сотрудники ОГПУ, которые дали о том или ином событии и разговоре другие сведения, и в конце концов стало ясно, что священник уклоняется от обязанностей секретного сотрудника ОГПУ. Этого было достаточно для его ареста.

13 февраля 1933 года накануне празднования памяти мученика Трифона власти арестовали отца Александра и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Он был обвинен в том, что будто бы совместно с другими лицами «проводил систематическую антисоветскую агитацию, направленную к свержению советской власти».

16 февраля следователь допросил его, но отец Александр виновным себя не признал, сказав, что антисоветских разговоров в его присутствии не было. 8 марта следователь снова вызвал его на допрос и обрушился на него с упреками в

неискренности, в ответ на это отец Александр сказал: «Взявши на себя добровольные обязательства быть секретным сотрудником ОГПУ, я дать ценные и нужные для ОГПУ сведения не мог, потому что добыть таковых я не мог. Среда, в которой я вращался, антисоветской деятельностью не занималась, и агитации против советской власти никто не проводил».

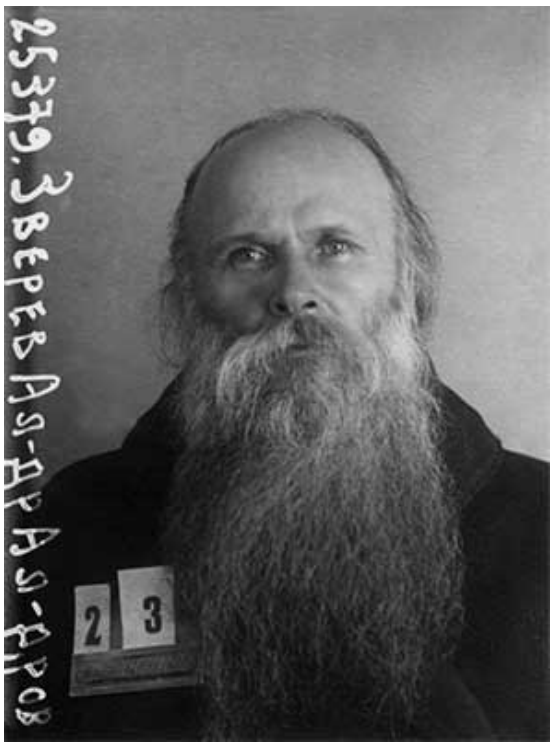


Протоиерей Александр Зверев

Однако показания, которые давали арестованные по тому же делу, были совершенно иные, и, желая оправдаться в неисполнении секретных поручений ОГПУ, отец Александр в конце протокола допроса собственноручно написал: «Все, что мог, к выяснению антисоветского настроения, как в приходе, так и вне, я делал. Когда одна женщина пришла..... (Вам это известно). Говорил и о вне прихода».

2 апреля 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке на три года в Северный край. В ссылку ему было разрешено ехать за свой счет вольным порядком. Из тюрьмы его освободили в Великий Четверг и велели до Пасхи выехать из Москвы. Освободившись, отец Александр сразу же пошел в церковь. В Великую Субботу он отслужил раннюю литургию и в тот же день уехал. Пасхальную ночь отец Александр провел в поезде, а на второй день пасхальной седмицы прибыл к месту своего поселения – в старинный русский город Архангельской области Каргополь, где до революции было около тридцати церквей и два монастыря, а после революции этот благочестивый город был превращен в один из центров лагерей и ссылок.

Протоиерей Александр поселился в маленьком домике, принадлежавшем монахине Августе, которая в нем жила после закрытия монастыря. Дом был разделен пополам русской печкой. Хозяйка жила по одну сторону печки, а священник – по другую. В Каргополе протоиерей Александр пробыл три года, зарабатывая на жизнь пилкой дров, был рабочим, набивал силосную яму, молол ячмень.



Протоиерей Александр Зверев.
Москва. Бутырская тюрьма. 1933 год

В феврале 1936 года власти освободили отца Александра, и 19 мая 1936 года он получил место священника в храме Рождества Богородицы в селе Возмище Волоколамского района Московской области.

Протоиерей Александр был арестован на следующий день после престольного праздника в селе Возмище – Рождества Богородицы, 22 сентября 1937 года, и заключен в тюрьму в городе Волоколамске.

– Дайте показания о вашей контрреволюционной антисоветской деятельности, – потребовал следователь.

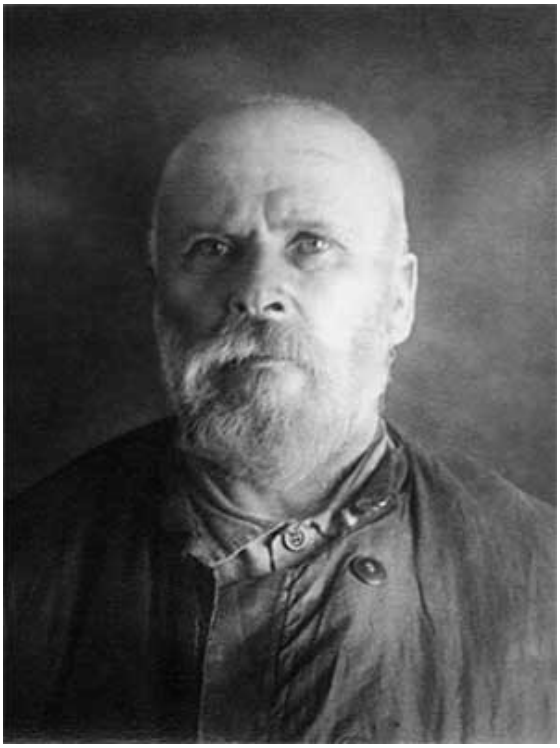
– Контрреволюционной антисоветской деятельности я не вел, – ответил священник.

– Следствие располагает данными, что вы летом 1937 года в церковной сторожке вели контрреволюционные и антисоветские разговоры, касающиеся политики советского правительства в связи с новой конституцией, в присутствии священника Павла Андреева.

– Это я отрицаю. Такого контрреволюционного разговора я не вел, за исключением разговора, который имел место летом 1937 года в комнате у меня. Он касался восстановления в должности учительницы Покровской, о чем была помещена заметка в газете «Правда», на которую я, прочитав, обратил внимание Андреева, сказав: «Как изменилась политика советского правительства по отношению к лицам религиозных убеждений». Но это мной было сказано не в контрреволюционном смысле, а как факт, связанный с вопросом о конституции. Что сказал по этому поводу Павел Андреев, я не помню.

И во время всех дальнейших допросов отец Александр виновным себя не признал. В обвинительном заключении об арестованных священниках и монахинях было написано: «Будучи допрошены в качестве обвиняемых, члены вышеуказанной контрреволюционной группы виновными себя в контрреволюционной деятельности не признали, но сознались, что они

регулярно собирались у себя на дому и обсуждали религиозные вопросы, а также с целью религиозной пропаганды ходили по домам и вели агитацию».



Протоиерей Александр Зверев.
Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

2 ноября протоиерей Павел и 10 ноября протоиерей Александр были вызваны на последний допрос. Им был задан всего один вопрос, признают ли они себя виновными в антисоветской агитации. Оба священника ответили, что нет, не признают.

14 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священников Павла Андреева, Александра Зверева и Димитрия Розанова к расстрелу. Протоиереи Павел Андреев и Александр Зверев были расстреляны 16 ноября, а священник Димитрий Розанов 25 ноября 1937 года и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 7». Тверь. 2002. С. 158-175